Женщина в текстах Джеймса Джойса и Генри Миллера: игра и миф

Аствацатуров Андрей Алексеевич

Санкт-Петербургский государственный университет (СПбГУ), Санкт-Петербург, Россия

A Woman in James Joyce's and Henry Miller's Texts: Game and Myth

Astvatsaturov Andrey

Saint Petersburg State University (SPSU), St. Petersburg, Russia

Аннотация

В статье проводится сопоставительный анализ конструирования образа женщины, которое осуществляют два крупнейших писателя XX в.: Дж. Джойс в своем романе «Улисс» и Генри Миллер в своей «парижской трилогии». Джойс синтезирует в своем романе все существующие мифы и представления о женщине. Миллер, создавая образы женщин, отталкиваясь от Джойса, стремится не к чистой игре, а к постижению сущности женского начала.

Abstract

The paper offers a comparative analysis of the construction of the image of women that is carried out by two great writers of the XX century: J. Joyce in his «Ulysses» and Henry Miller in his «Parisian Trilogy». Joyce in his novel synthesizes all the existing myths and images of women. Miller following Joyce in creating images of women offers not a game as his predecessor does but an attempt to get the essence of femininity.

Ключевые слова: Джеймс Джойс, Генри Миллер, модернизм, миф, женщина.

Keywords: James Joyce, Henry Miller, modernism, myth, woman.

Джойс и Миллер: различие в стратегиях

Джеймс Джойс (1882–1941, Joyce) – известный представитель высокого модернизма, классик англоязычной литературы, стремившийся исчерпать все ее возможности. Его роман «Улисс» (1921), ставший в 1910–1920-е гг. главным литературным скандалом, был задуман как проект совершенного или даже сверхсовершенного текста. Он демонстрирует посредством интертекстуальной игры генезис современной оптики, языка современной культуры и литературных форм. Столь же скандальный, благодаря своим романам «Тропик Рака» и «Тропик

Козерога», американский писатель Генри Миллер (1891–1980, Miller), также принадлежит к модернистской традиции, с которой он обстоятельно знакомится под влиянием своих друзей, писателей круга «виллы Сера» (А. Нин, М. Френкель, А. Перле), перебравшись в начале 1930-х из Нью-Йорка в Париж. Однако Миллер отличается от «высоких модернистов» тем, что он не ограничивал свои творческие устремление областью литературы и не стремился создать совершенную форму. Для него литература была не целью, как для Дж. Джойса, Т. С. Элиота и Э. Паунда, а одним из средств познания своего «я». Попав в их круг, круг профессионалов, создателей текстов, Миллер ищет собственную идентичность и позиционирует себя как дилетант и маргинал, совершенно не заботящийся о качестве текстов [Ibargüen; P. 106.].

Женщина в романе «Улисс»

Женские образы нам интересны, поскольку они являются ключевыми у обоих авторов и соответственно помогут осмыслить принципиальное различие в их эстетических установках. Прототипом Молли Блум, центрального женского персонажа «Улисс» была жена Джойса Нора Барнакль, а Моны (она же Мара), центрального женского персонажа двух трилогий – вторая жена Миллера Джун Эдит Смит.

Молли, по сюжету любящая своего мужа Леопольда, но изменяющая ему с импресарио Бойланом, наделена следующими свойствами: крупная, пышнотелая, похотливая. Сверхреалистичное изображение Джойсом Молли, нисколько не отменяет того, что она превращается в архетипическую фигуру,

соединяющую все традиции изображения женщины в европейской культуре и все женские образы: от матери-Геи до Эммы Бовари: Калипсо, Цирцея, Пенелопа, дева Мария, Беатриче, Офелия и т.д. Она является персонификацией самой жизни, основы сущего, глубинной реальности. Молли – это неодоухотворенная материя, пребывающая в постоянном движении и соответственно ее главное свойство – изменчивость. Отсюда – смена настроений Молли, смена состояний ее тела, изменение образа и внешности, ее артистизм. Молли воплощает общее сексуальное влечение жизни, которое бесконечно, ненасытно, не может быть удовлетворено. Молли иррациональна и ассоциируется с бессознательным, с волной, существующая по ту сторону сознания и этики. Неслучайно Джойс, в финальной главе романа, где слово предоставляется самой Молли, прибегает к потоку сознания, в котором нет разделения на предложения, нет знаков препинания, и в котором правила грамматики и синтаксиса не соблюдаются. Однако существенно, что это лишь внешнее впечатление: монолог Молли – логически выстроен и внутренне структурирован [Sultan; p. 416–418.]

Джойс и Захер-Мазох

«Огромность» Молли, телесная избыточность заставляет читателя почувствовать ее безоговорочную власть над мужчиной. Здесь Джойс осознанно идет по стопам Л. Захер-Мазоха (1836–1895, Sacher-Masoch). Блум, уже с самого начала романа (глава «Калипсо»), когда он приносит Молли завтрак, выступает в подчиненной роли. Здесь возникает архетипическая ситуация властной женщины, подавляющей мужчину и

аллюзии на подобные сюжеты (Одиссей во власти могущественной Калипсо, Геракл на службе у Омфалы). В главах «Лотофаги» и «Сирены» реализуется тот же мотив женской власти и мужского бессилия. И, наконец, кульминационной в отношении данного мотива становится глава «Цирцея», действие которой происходит в районе публичных домов Дублина. Глава наполнена сценами мазохизма, сексуального подчинения, и Блум разыгрывает в ней сцены романа Л. Захер-Мазоха «Венера в мехах».

Джойс и Вейнингер

Существенно, что Джойс не был занят выстраиванием «метафизики женского». Он лишь синтезировал все мифы о женщине, особо не заботясь об их достоверности, и намеренно утрировал расхожие представления о женщине, добиваясь пародийного эффекта. Однако существенно то, что Джойс находит некий общий концептуальный знаменатель, позволяющий ему свести воедино столь многовекторную традицию. Основой организации образа Молли стала концепция женского начала, выдвинутая Отто Вейнингером (1880 – 1903, Weininger) в книге «Пол и характер». Мужчину Вейнингер видит аскетическим, нравственным, волевым, целостным, устремленным к вечности. Женщина, в его представлении, наделена противоположными качествами. Она аморальна, безвольна, иррациональна, бездушна. Эти свойства, по мысли Вейнингера, вызваны тем, что женщина целиком сосредоточена на половом акте.

У Джойса все эти свойства присущи Молли. Она иррациональна, она лишена этики и скорее – материя и

тело, чем душа, и главное – все ее мысли неизменно возвращаются к половому акту.

Женщина в романах Миллера

Миллер, первоначально восторгался образом Молли, даже, будучи зрелым автором, сохранил память об этом восторге [Миллер, 2001; с. 367]. Восторги Миллера, внимательно прочитавшего Джойса довольно скоро проходят. Он начинает понимать, что Джойс занят формальной и концептуальной игрой, что ему нет никакого дела до истины, что он создает лишь текст, и не пытается проникнуть в сущность женского естества. Миллер ставит перед собой именно эту задачу – сгенерировать реальную и одновременно метафизическую женщину, а не персонажа. Но здесь он, как это не парадоксально, не придумывает ничего нового.

Женщина Миллера (Мона или любая другая) для Миллера также воплощение мировой биологической силы, которая порождает все формы жизни, и является бессознательным. Эту силу мужчине надлежит в себе открыть и направить на поиск новых ценностей. Женщина у Миллера рационально не познаваема. Она несет в себе бесконечность, бесструктурность, безмолвие (лживая речь в расчет не принимается). Ее лоно – аналог древнего Покоя, утроба мира, вмещающая всю историю человечества [Миллер, 2000; с. 292]. Эротическое желание миллеровской женщины, напоминающей Молли Блум, безмерно. Как и у Вейнингера, женщина у Миллера целиком сосредоточена сексуальном акте.

Идея безграничной глубины желания оборачивается в романе невозможностью утолить сексуальный

голод: «Илона — дикая ослица, вынюхивающая наслаждения <...>. Во всей стране не было ни одного фаллоса, который подошел бы ей по размерам» [Миллер, 2001; с. 28]. Беспредельность самой женщины, сопряженной бесконечному миру, ее бесформенность реализуется в образах невообразимо крупных, очень полных и пышущих здоровьем героинях Миллера. Бесформенность и безграничность женского в романе неизменно контрастирует с ограниченностью мужского: женщина в романах Миллера, как и у Джойса, неизменно доминирует над мужчиной, доставляя ему тем самым мазохистское удовольствие. Ее бесформенность пугает, но по этой же причине и влечет мужчин к себе.

Джойс и Миллер: игра и реальность

Предельная неотторжимость идеи от образа, сведение метафизических свойств к физиологическим особенностям создает у Миллера эффект пародийности, эффект игры с представлениями и идеями Вейнингера. Однако между пародийностью Джойса и иронией Миллера есть на наш взгляд существенная разница. Если Джойс ироничен в отношении всех текстов и мифов, в том числе и мифа об иррациональности женщины, то Миллер ироничен в отношении самого себя, точнее своего нарратора, неспособного постичь женскую сущность, хотя и вооруженного при этом всеми мифами и теориями. В романе «Тропик Козерога» в эпизоде, где подробнейшим образом описывается Мара, он подчеркнуто серьезен и одновременно лиричен. Иррациональность женского не является для него очередным мифом. Она реальна, она его ужасает и нередко заставляет пресечь

собственную речь. Миллер, изображая женщину, переживает иллюзию соприкосновения с изначальным, с истоком собственного «я», с истоком жизни и с замыслом. Джойс остается в неведении относительно истока и всякий раз как бы выворачивает текст наизнанку. Основание, архаическое начало, к которому его нарратор как будто приближается, вдруг выставляется в «Улиссе» как продукт сложной рефлексии, антропологической или философской теории.

Итак, сопоставление репрезентации женского начала у Джойса и у Миллера заставляет нас констатировать парадоксальную в истории литературы ситуацию: пародийный материал, игра воспринимается серьезно и оказывается основой новой метафизики и способом самопознания.

Литература

- Миллер Г. Аэрокондиционированный кошмар: эссе, рассказы. М.: БСГ-Пресс, 2001. 430 с.
- Миллер Г. Тропик Рака: роман. СПб.: Азбука, 2000. 448 с.
- Ibargüen R.R. Narrative Detours: Henry Miller and The Rise of New Critical Modernism. A Dissertation Presented to the Faculty of the Graduate School of Yale University. Yale University, 1989. Order Number 9010659. 379 p.
- Sultan S. The Argument of «Ulysses». Ohio, 1964. 430 p.

References